

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 2008 г.

ΚΑΣΣΙΟΥ ΔΙΩΝΟΣ ΚΟΚΚΗΙΑΝΟΥ

ΡΩΜΑΙΚΗ ΙΣΤΟΡΙΑ. ΝΒ

CASSII DIONIS COCCEIANI

HISTORIA ROMANA
LIBER LII

ДИОН КАССИЙ КОККЕЙАН

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ
КНИГА LII

Перевод с древнегреческого *К.В. Маркова* и *А.В. Махлаюка*;
комментарии и общая редакция *А.В. Махлаюка**

Предлагаемый вниманию читателей перевод LII книги «Римской истории» Диона Кассия выполнен по изданию: Dio's Roman History / With an English Translation by E. Cary on the Basis of the Version of H.B. Foster. In Nine Volumes. Vol. VI. L.–N.Y., 1917 (The Loeb Classical Library). Учитывалось также издание: Cassii Dionis Cocceiani Historiarum Romanarum quae supersunt. Vol. I–V / Ed. U.P. Boissevain. B., 1895–1901. В работе над комментариями мы в основном ориентировались на весьма добротную работу М. Рейнолда (*Reinhold M. From Republic to Principate. A Historical Commentary on Cassius Dio Roman history Books 49–52 (36–29 B.C.). Atlanta, 1988*) и старались максимально

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Римская история» Диона Кассия как памятник исторической и политической мысли эпохи позднего принципа: перевод с древнегреческого, научный комментарий, исследования», проект № 07-01-00047а.

учесть появившиеся за последние почти 20 лет новые исследования, относящиеся к интерпретации ЛП книги и взглядов Диона в целом. Ссылки на исследовательскую литературу в нашем комментарии даются главным образом только в тех случаях, когда имеется возможность дополнить те библиографические указания, которые приводят-ся Рейнгольдом.

Единственный перевод ЛП книги на русский язык был выполнен Е.А. Черноусовым и помещен в приложении в его работе (Очерки по истории Римской империи 180–235 гг. Подготовка смуты III века. Харьков, 1911. С. I–XXVIII). Перевод этот, однако, давно устарел. Он не снабжен никаким комментарием, имеет ряд ошибок и неточностей, и стиль его далеко не безупречен. Поэтому необходимость современного перевода, учитывающего достижения той огромной работы, которая была за минувшее столетие проделана по изучению творчества Диона Кассия в целом и дебатов Агриппы и Мecenата в частности, не вызывает сомнений (как, впрочем, и необходимость перевода на русский язык всей «Римской истории» Диона).

Общую характеристику как «Истории» Диона Кассия в целом, так и ее ЛП книги в частности см. выше: *Махлаюк А.В., Марков К.В.* Историк и вызовы современности: «Римская история» Диона Кассия как памятник исторической и политической мысли III в. н.э. (С. 38–56), а также: *Марков К.В.* Хронология работы Диона Кассия над «Римской историей» (с. 142–154).

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ КНИГА ЛП

В 52-й книге «Римской истории» Диона содержится следующее:

1. О том, как Цезарь держал совет о сложении единоличной власти.
2. О том, как он начал именоваться императором.

Период времени охватывает конец консульства Цезаря (V) и Секстия Апулея.

1 (1) Таковы были свершения и испытания, выпавшие на долю римлян за семьсот двадцать пять лет при власти царей, народовластии¹ и во время правления отдельных людей². После этого римляне вновь начали управляться, по существу, монархически³, но прежде Цезарь задумал сложить оружие и передать государственные дела сенату и

¹ δημοκρατία является у Диона синонимом понятия «республика», libera res publica. В греческом словоупотреблении начиная с IV–III вв. до н.э. «демократией» называется любая республика, даже с олигархическим строем.

² δυναστείας. Термином δυναστεία, который восходит к категориальному аппарату Аристотеля, но в словоупотреблении Диона больше соответствует лат. potentia, историк обозначает прежде всего исключительную концентрацию власти в руках отдельных политических лидеров периода Поздней республики. Примерами такого правления, являющегося фактической узурпацией власти и смягченной формой тирании, служат в первую очередь диктатура Суллы (82–79 гг. до н.э.), диктатура Цезаря (49–44 гг. до н.э.), Первый и Второй триумvirаты (соответственно 60–49 и 43–33 гг. до н.э.). Подробнее о значении этого термина у Диона см. *Freyburger-Galland M.-L.* ΔΥΝΑΣΤΕΙΑ chez Dion Cassius // Ktema. 1996. 21. P. 23–27.

³ ἐκ δὲ τοῦτου μοναρχεῖσθαι αὐτὸς ἀκριβῶς ἤρξατο. Примечательно, что Дион говорит о *возвращении* римлян к монархии с установлением принципата, подчеркивая, таким образом, цикличность развития Римского государства. Но если в данном пассаже этот переход происходит от «демократии» через период существования δυναστεία, то в речи Ливии (LV. 21. 4) говорится о смене «демократии» монархией. Для Диона монархия как легитимная форма правления, при которой сочетаются единовластие и свобода, а высшие сословия соучаствуют в управлении государством, является синонимом принципата. Правда, в разных местах своего труда он по-разному определяет начало единоличного правления Октавиана. В начале LI книги (LI. 1. 1–2) он связывает это начало с победой при Акции 2 сентября 31 г. до н.э.; в LIII. 17. 1, рассказывая о знаменитом заседании сената 13 января 27 г. до н.э., на котором Октавиану были заново вручены властные полномочия и дарован титул Августа, он пишет, что именно с этого момента начинается его монархическое правление, а говоря о смерти первого принцепса в августе 14 г. н.э. в LVI книге (30. 5), он констатирует, что Август правил, начиная от битвы при Акции, в течение 44 лет без 13 дней.

народу. (2) Решение он принимал совместно с Агриппой и Меценатом, ибо им он доверял все свои сокровенные замыслы. Агриппа первым обратился к нему со следующими словами.

2 (1) «Не удивляйся, Цезарь, что я намереваюсь отговорить тебя от монархического правления, несмотря на то, что если бы ты стал правителем, оно обернулось бы для меня самого великими благами. (2) Будь единовластие полезным и для тебя тоже, я бы ревностно выступил в его защиту. Однако поскольку совсем разная доля достается правителям и их друзьям, и последние, не возбуждая зависти и ничем не рискуя, получают все, чего пожелают, а первые сталкиваются с завистью и опасностями, то в данном случае, так же, как и в остальных, считаю правильным заботиться не о личной выгоде, а о твоём благе и интересах державы.

(3) Рассмотрим же спокойно все особенности этой формы правления и, к чему бы ни привело нас это рассуждение, то и предпримем. Никто ведь не скажет, что мы непременно должны выбрать монархию в любом случае, даже если она не выгодна. (4) Ибо иначе о нас будут думать, что мы оказались повержены собственной удачей и обезумели от успехов, или же что мы изначально стремились к власти, приняв во внимание твоего отца, почтительную любовь к нему и прикрываясь народом и сенатом, не для того, чтобы избавить их от заговорщиков, но намереваясь превратить их в своих рабов⁴. И то, и другое – серьезное обвинение. (5) Разве не покажется возмутительным, что мы говорили одно, но, как оказалось, замыслили совсем другое? Разве в этом случае не возненавидят нас еще больше, чем если бы мы с самого начала, не скрывая своих намерений, открыто добивались единовластия? (6) Считается, что человеческая природа в некотором роде своекорыстна и склонна прибегать к насилию, ибо всякий, имеющий некое превосходство, полагает, что он достоин большего, чем тот, кого он превосходит, и если он добивается успеха, то приписывает это силе своего духа; если же терпит неудачу, то объясняет такой исход вмешательством божества. (7) Вместе с тем тот, кто совершает что-то подобное путем коварства и злодеяний, во-первых, считается хитрым, коварным, злонравным и негодным, и, как мне хорошо известно, ты бы не потерпел, чтобы кто-либо подобное говорил или думал о тебе, пусть даже таким путем ты сделался бы правителем всего мира. Во-вторых, о таком человеке думают, что в случае успеха он незаслуженно добился преимущества, а в случае провала – получил по заслугам. 3 (1) При таком положении вещей кто угодно вполне может упрекнуть нас в том, будто мы страстно жаждем теперь власти, даже если мы с самого начала ни о чем таком не помышляли. А ведь быть побежденными обстоятельствами и не только потерять самообладание, но и неумело распорядиться дарами судьбы – гораздо хуже, чем, потерпев неудачу, причинять кому-либо несправедливость. (2) Ибо одни люди вопреки собственной выгоде и часто против собственного желания вынуждены в силу самих неудач поступать дурно, а другие добровольно становятся невластными над собой, даже если это противоречит их интересам. И если они лишены всякого прямодушия и не способны умеренно распорядиться выпавшими на их долю благами, то разве можно ожидать, что они будут достойно управлять другими или правильно действовать в невзгодах? (3) Но поскольку нам эти недостатки не свойственны и мы не хотим действовать безрассудно, но скорее выберем то, что по размышлении покажется нам наилучшим, то давайте примем решение исходя из этого. Я буду говорить со всей откровенностью. Ибо сам я не мог бы говорить иначе, а тебе, как мне хорошо известно, было бы неприятно слушать ложь, приправленную лестью.

4 (1) Равноправие⁵ в самом деле благородно по названию и по содержанию является вещью справедливейшей. Ибо если люди наделены общим естеством, принадлежат к

⁴ δουλωσόμεθα. В других местах своего сочинения Дион связывает порабощение римского народа со Вторым триумvirатом как переходный периодом от республики к монархии (L. 1. 2). Поэтому в данном месте, по-видимому, отразилась позиция его источников, согласно которой извращенная монархия, превращаясь в тиранию, приводит к рабству (ср. XLVII. 39. 4–5; LII. 15. 1).

⁵ Слово ἰσωνομία (равенство перед законом) часто используется как синоним «демократии».

одному племени, воспитаны в одних и тех же началах и на единых законах (2) и сообщая отдают в распоряжение отчизны как тела свои, так и души, разве не справедливо, чтобы и во всем остальном они имели равную долю, и не в том ли состоит величайшее благо, чтобы не отличались они ничем, кроме доблести? (3) Ибо равенство происхождения⁶ стремится к равенству возможностей, и, достигая его, радуется, а если цель эта не достигнута – печалится. И весь род человеческий, происходящий от богов⁷ и к богам же долженствующий вернуться, обращает взоры вверх, и люди не желают, чтобы ими всегда правил один и тот же человек, (4) и не могут мириться с тем, что они принимают участие в трудах, опасностях и расходах, но лишены участия в самом лучшем, а если и бывают вынуждены терпеть нечто подобное, то ту силу, что их угнетает, они ненавидят и, стоит только представиться удобному случаю, чинят расправу над тем, кто вызвал их ненависть. (5) Ибо все считают себя достойными управлять и поэтому, в свою очередь, соглашаются подчиняться, но не желают, чтобы кто-то ставил себя выше их, и поэтому сами не стремятся возвыситься над другими⁸. Они гордятся наградами, полученными от равных им по положению, и одобряют наказания, налагаемые на них по закону. (6) И если они живут при таком государственном строе, то они и радости, и напасти считают общими, никакого зла никому из граждан не желают и вместе просят о лучшей судьбе для всех и каждого. (7) И если кто-то из них сам наделен некоей доблестью, он охотно ее проявляет, усердно развивает, с превеликим удовольствием выказывает, а если видит эту доблесть в другом человеке, то с готовностью помогает ей проявиться, старательно ее взращивает и окружает величайшим почетом. (8) Если же кто-либо поступает дурно, все его ненавидят, а если кто-то терпит неудачу, все сочувствуют ему, считая этот ущерб и позор общим несчастьем всего государства.

5 (1) Таково устройство демократических государств. При тираниях же все обстоит прямо противоположным образом⁹. Но стоит ли без нужды долго излагать подробности? Главное заключается в том, что никто не хочет выделяться ни знанием, ни иными достоинствами (ибо власть по большей части питает враждебность к любому, кто обладает каким-либо превосходством); (2) напротив, каждый образцом в жизни для себя делает образ действий того [тирана] и домогается тех преимуществ, которые, под его прикрытием притесняя других, он рассчитывает без риска получить. По этой причине большинство людей пекутся лишь о своих собственных выгодах и ненавидят всех остальных, воспринимая благодеяние других как личный убыток, а чужое несчастье как собственную выгоду.

(3) При таком положении вещей я не вижу, что могло бы с достаточным основанием побудить тебя добиваться единоличной власти. Ведь помимо того, что этот образ правления вообще трудно укоренить в демократических государствах, именно тебе сделать это будет гораздо сложнее. Или ты не видишь, что и Город, и наши государственные дела по сей день пребывают в смуте? (4) Трудно также усмирить народную массу, в течение стольких лет проживавшую в свободе, и в окружении столь великого множества врагов трудно вновь обратить в рабство союзников и подвластные народы¹⁰, одни из которых издревле имели демократическое правление, а другие получили свободу от нас¹¹.

⁶ ἰσωνομίᾳ в данном случае означает общность места рождения, которая исключает порабощение соотечественников и предполагает их равенство в правах (ἰσωνομία).

⁷ О происхождении рода человеческого от богов ср. *Dio Cass. Fr. XXX. 2–3*.

⁸ С идеями, выраженными в 4. 1–5, ср. *Aristot. Pol. III. 1287a. 10–17*.

⁹ Очевидно, что характеристика тиранического правления, представленная в нижеследующих двух пассажах, отражает собственный опыт Диона, относящийся ко временам правления Коммода и Каракаллы.

¹⁰ τοὺς συμμαχοὺς τοὺς τε ὑπηκόους. Под первыми имеются в виду общины и клиентские царства, с которыми римляне заключали договоры о союзе, под вторыми – peregrini, жившие в провинциях и подчинявшиеся власти римских наместников.

¹¹ Под ἡλευθερωμένους имеются в виду самоуправляемые городские общины в провинциях, получившие статус *civitates liberae* при признании верховенства Рима и под контролем римских наместников.

6 (1) Начну с самого простого довода. Ты столкнешься с необходимостью всевозможными путями изыскивать огромные денежные средства, так как нынешних доходов, скорее всего, не хватит на обеспечение войск, не говоря уже об остальных расходах. Конечно, такие нужды свойственны и демократическим государствам, ибо никакая власть не может держаться без расходов. (2) Но при народовластии многие граждане жертвуют немалые личные средства в большинстве своем по собственной воле, считая это делом чести и получая взамен достойные награды за свои услуги¹². Если же все-таки вводятся обязательные для всех налоги, то граждане воспринимают такую меру как должное, поскольку это делается с их же согласия и совершается им же во благо. (3) При единоличном же владычестве все граждане считают, что только власть, раз она обладает несметными богатствами, должна нести все расходы, и охотно интересуются доходами правителя, но вовсе не принимают в расчет его расходы. И из своих личных средств они ничего не уделяют с радостью либо по доброй воле и не делают по собственному побуждению взносы на государственные нужды. (4) Что касается добровольных взносов, то вряд ли у кого-то возникнет желание их делать (так же как с легкостью признаваться в своем богатстве); да и не в интересах правителя подобные пожертвования, ибо тот, кто их сделает, может сразу же прославиться среди народа своей любовью к отечеству, возгордиться и решиться на государственный переворот. С другой стороны, постоянные налоги ложатся тяжким бременем на массу простого народа, прежде всего потому, что в то время как одни терпят ущерб, другие извлекают из этого прибыли. (5) В демократических государствах, как правило, те, кто платит налоги, служат в войске, так что они в некоторой степени получают свои деньги обратно. При монархии же обычно земледелием и ремеслом, торговлей и управлением государственными делами занимаются одни – и от них-то главным образом и идут поступления в государственную казну, – а посвящают себя службе военной и жалованье получают за это другие¹³.

7 (1) Уже одно это обстоятельство само по себе доставит тебе немало забот, но есть и другое. Дело в том, что преступников, кем бы они ни были, всегда следует карать, ибо большинство людей не вразумить ни увещеваниями, ни примерами, но обязательно нужно наказывать их либо лишением гражданской чести¹⁴, либо изгнанием, либо смертью, и это является обычным делом в столь обширной и столь многонаселенной державе, как наша, тем более когда происходит изменение ее государственного устройства. (2) Если ты поручишь другим судьям судить таких преступников, они постараются оправдать подсудимых, и в первую очередь тех, к кому ты, по их мнению, можешь питать ненависть, ибо судьи обретают видимость могущества, если совершают что-либо вопреки желанию правителя. (3) А если кто-то будет все-таки осужден, то люди станут думать, что его в угоду тебе признали виновным намеренно. Если же ты сам будешь исполнять обязанности судьи, тебе придется наказывать многих равных тебе по достоинству – а в этом мало счастья; во всяком случае, тебе не избежать молвы о том, что некоторых из них ты предал суду скорее из гнева, нежели по справедливости. (4) Ибо в то, что имеющие возможность действовать силой вершат справедливый суд, никто не верит; напротив, все убеждены, что такие люди из стыда перед истиной, прикрываясь видимостью и личиной гражданского правления, под именем закона и пра-

¹² Речь в данном случае скорее идет не о литургиях, как предположил П. МакКечни (*McKechnie P. Cassius Dio's Speech of Agrippa: a Realistic Alternative to Imperial Government? // G&R. 1981. 28. 2. P. 152*), а о расходах на проведение игр, строительство театров и т.д. (*Fechner D. Untersuchungen zu Cassius Dios Sicht der Römischen Republik. Hildesheim, 1986. S. 72–83*).

¹³ Резко противопоставляя гражданское ополчение республиканского времени профессиональной армии, которая содержится за счет налогов, Дион, безусловно, упрощает реальное положение дел. Ему не только хорошо известно о роли тех по существу профессиональных армий, которыми располагали с начала I в. до н.э. римские политические лидеры, борющиеся за власть, но и тот факт, что при принципе жалованье из казны получали также и те, кто был занят на государственной службе (πολιτευοντες).

¹⁴ ὀπίσσια (лат. infamia) у Диона может означать лишение как гражданских прав вообще, так и статусных привилегий и знаков отличия высших сословий. Ср. LII. 31. 3; LV. 18. 3.

восудия¹⁵ удовлетворяют собственные пристрастия. Так обстоит дело в монархических государствах. (5) При народовластии же, если кому-либо вменяется в вину частноправовой проступок, он привлекается в собственном деле к суду, в котором заседают лица, равные ему по положению; если же предъявлено обвинение в преступлении против государства, то и в этом случае его судят такие же, как он, граждане, избранные по жребию, поэтому людям легче соглашаться с их решениями, ибо они убеждены, что наказание было наложено не по произволу судьи и не из необходимости кому-то угодить.

8 (1) Кроме тех, кто преступает закон, есть еще немало людей, которые кичатся своим знатым родом, кто богатством, кто еще чем-то, и в основном это люди не дурные, но по политическим своим убеждениям они сформировались как противники монархии. И тот правитель, который позволяет им усилиться, не может жить в безопасности, но, с другой стороны, тот, кто пытается их принизить, поступает несправедливо. (2) Что же тебе делать с ними? Как с ними обращаться? Если ты уничтожишь их семьи, уменьшишь их богатство, усмиришь их гордый дух, тебе не видать благосклонности своих подданных. А разве может быть иначе, если никто не сможет отличаться благородным происхождением, честно разбогатеть, и нельзя будет стать ни могущественным, ни мужественным, ни мудрым? (3) Если же ты позволишь этим людям укрепить свое положение, то тебе нелегко будет ими править. Ибо если бы только твоих сил хватало, чтобы превосходно и своевременно справляться с государственными и военными делами и ни в одном из этих дел не нуждался бы в помощниках, был бы совсем другой разговор. (4) Но сейчас, когда предстоит править столь огромным миром, тебе понадобится много помощников, и всем им подобает быть мужественными и благоразумными. Если же ты поручишь таким людям государственные должности и войска, то возникнет опасность, что они ниспровергнут и тебя, и государственный строй. (5) Ибо невозможно, чтобы заслуживающий уважения человек был бы лишен честолюбия и не думал о себе много, занимаясь рабским трудом. Если человеку присуща гордость духа, он не может не стремиться к свободе и ненавидит всякое господство. (6) Если же таким гражданам ты ничего не поручишь и доверишь государственные дела людям ничтожным и случайным, то ты очень скоро вызовешь своим недоверием ненависть лучших людей в государстве и, кроме того, очень быстро потерпишь неудачи в своих важнейших начинаниях. (7) Разве может человек невежественный и низкородный совершить какое-либо достойное деяние? Разве станут наши враги принимать его всерьез? (7) Разве станут ему повиноваться союзники? Разве сами воины не сочтут ниже своего достоинства быть в подчинении у такого человека? Впрочем, сколько из этого проистекает зол, мне не нужно объяснять тебе, ты и сам прекрасно это понимаешь. (8) Одно только не могу не сказать: если такого рода помощник не справится со своими обязанностями, он причинит тебе гораздо больше вреда, чем враг; если же что-то ему и удастся, то этот успех из-за его необразованности вскружит ему голову и он сам станет для тебя угрозой.

9 (1) Такое положение вещей, однако, не свойственно демократическим государствам, но чем больше в них людей богатых и мужественных, тем сильнее стремятся они к почестям и умножают мощь своего государства, которое, в свою очередь, с радостью принимает их услуги, если только кто-то из них не станет стремиться к тирании: такого человека [сограждане] сурово наказывают. (2) То, что дело обстоит именно так и что демократические государства намного сильнее монархии, с очевидностью показывает опыт эллинов. Ибо покуда они управлялись монархически, не совершили они ничего великого, но после того как стали жить при демократическом строе, они снискали величайшую славу. (3) Это же обнаруживается и в опыте других народов: в то время как одни из них, до сих пор еще продолжающие жить под властью тиранов, пребывают в постоянном рабстве и постоянно устраивают заговоры против своих правителей¹⁶,

¹⁵ ὀνόματι ἐννόμῳ δικαστηρίου. Ср. схожее выражение у Фукидида в IV. 60. 1: ὀνόματι ἐννόμῳ δομαρχίας.

¹⁶ Вероятно, Дион подразумевает здесь династическое соперничество и дворцовые интриги в Парфии, Армении и клиентских царствах.

другие, имеющие должностных лиц, избираемых на год или на более продолжительное время, остаются свободными и независимыми¹⁷. (4) Но зачем прибегать нам к чужеземным примерам, если мы имеем свои собственные? Ведь мы, римляне, сами сначала имевшие иное государственное устройство, после того как пережили немало трудностей, пожелали свободы и, обрета ее, достигли нынешнего нашего величия¹⁸, (5) получив силу ни от чего иного, как от благ, связанных с демократическим строем. Именно благодаря им сенат принимал решения, народ одобрял их, воины были исполнены рвения, командующие – славолубия¹⁹. Ничего этого не бывает при тирании. Именно поэтому древние римляне столь сильно возненавидели эту форму правления, что подвергли ее проклятию²⁰.

10 (1) Кроме того, если вести речь о том, что относится к твоим собственным интересам, по силам ли тебе будет вынести столь многообразные заботы, отдаваясь им и днем и ночью? Как справишься ты с ними, если здоровье твое пошатнется²¹? Какими из человеческих благ сможешь ты наслаждаться, а лишившись их, будешь ли ты счастлив? Чему будешь ты искренне радоваться, и сможешь ли ты не печалиться чрезмерно? (2) Такова ведь судьба обладателя подобного рода власти – пребывать в великом беспокойстве и страхе, вкушать наслаждения в наименьшей степени, а вот неприятное всегда и всюду видеть и слышать, причинять и претерпевать в избытке. По этой-то причине, как я полагаю, как некоторые эллины, так и варвары отказались принять предлагавшуюся им царскую власть.

(3) Поэтому, зная наперед об этих издержках, прими свое решение еще до того, как столкнуться с ними [на деле]. Ибо не только постыдно, но даже невозможно, вступивши однажды на этот путь, потом сойти с него. И не стоит тебе обольщаться ни огромностью этой власти, ни преизбытком богатства, ни отрядами телохранителей, ни толпой прислужников. (4) Кто располагает большой властью, имеет и большие заботы, кто многим владеет, тот и тратить должен много; а многочисленную охрану набирают из-за многочисленности заговорщиков, льстецы же скорее погубят тебя, нежели спасут. Вот почему, учитывая все это, ни один благоразумный человек не будет стремиться к [неограниченному] самовластию. 11 (1) Но если у кого-то возникнет мысль о том, что такого рода властители имеют возможность и обогащать других, и одарять их множеством прочих благ (а ведь, клянусь Зевсом, в их власти также и оскорблять, и чинить зло кому угодно), и поэтому стоит из всех сил стремиться к тирании, – она совершенно неверна. (2) Нет нужды говорить тебе, насколько постыдно, насколько опасно и ненавистна как богам, так и людям жизнь, наполненная бесчинствами и злодеяниями. Впрочем, ты не расположен ни к чему подобному и вряд ли бы по этой причине выбрал единовластие. Да и я взялся говорить сегодня вовсе не о том, что мог бы натворить тот, кто злоупотребляет властью, но о том, что иногда вынуждены делать и претерпевать даже те, кто пользуется ею самым наилучшим образом. (3) Но другая сторона [единовластия] – возможность щедро расточать благодеяния – вроде бы и в самом деле достойна вожделения. Однако то, что для частного человека является прекрасным, почетным, славным и безопасным, в положении монарха, во-первых, отнюдь не перевешивает тех более серьезных неприятностей, на которые приходится идти ради использования названного преимущества, в особенности же тогда, когда правитель намерен связанные с ним выгоды предоставить другим, а все отрицательные последствия оставить на свою долю. 12 (1) Во-вторых, и с самим этим преимуществом дело обстоит не так просто, как считается, ибо невозможно удовлетворить всех, кто просит. Достойными получить что-нибудь в дар от правителя мнят себя, так сказать, все и каждый, даже если их, по существу, не за что награждать. (2) В силу своей

¹⁷ Речь идет о римских колониях, муниципиях и городских общинах различного статуса, сохранявших внутреннее самоуправление.

¹⁸ Дион, очевидно, имеет в виду создание обширной Римской державы в результате успешных завоеваний.

¹⁹ Выделение в качестве ведущих агентов политической сцены сената, народа и армии характерно не столько для классической Римской республики, сколько для империи III в.

²⁰ Ср. ниже 40. 1 и прим. к этому месту.

²¹ Возможно, автор намекает здесь на болезненность Октавиана.

природы всякий человек нравится сам себе и желает получить хоть что-то ценное от могущего его одарить. Но то, что этот последний имеет в своем распоряжении – я разумею почести и должности, а в некоторых случаях и деньги, – очень легко поддается подсчету, особенно при сопоставлении с числом искателей его милостей. И при таком положении вещей правителю придется скорее иметь дело с враждебностью со стороны тех, кто обманулся в своих притязаниях, чем с дружеским расположением тех, чьи желания были удовлетворены. (3) Последние, воспринимая это как должное и не получив ничего сверх ожидания, не видят причины выказывать особую признательность своему благодетелю и к тому же отказываются делать это из опасения тем самым обнаружить, что они недостойны доброго расположения. (4) Первые же, обманувшись в своих упованиях, огорчаются по двум причинам: с одной стороны, они чувствуют себя как бы лишенными своей собственности (для всех ведь сильно желать чего-нибудь значит уже обладать этим²²); с другой стороны, если, не получив того на что рассчитывали, они спокойно относятся к неудаче, то это значит, что они сами признают за собой некую неправоту. (5) И, очевидно, тот [правитель], который правильно распределяет дары, в первую очередь следит, чтобы они доставались каждому по его заслугам, и одних поощряет наградами, других обходится, и тогда, согласно его замыслу, у награжденных, в соответствии с пониманием собственных достоинств, усиливается чувство гордости, а у обойденных – чувство недовольства собой. Если же правитель попробует [свернуть с такого пути] и пожелает распределять награды как заблагорассудится, то это будет его грубейшей ошибкой. (6) Ведь тогда дурные, удостоившись незаслуженных наград, сделаются еще хуже, возомнив, что заслуживают одобрения как люди достойные или что перед ними и вовсе заискивают из страха; а люди добропорядочные, обнаружив, что им не только не уделяют больше почета, чем дурным, но и вообще низводят на один с ними уровень, будут скорее раздосадованы таким равенством, чем радоваться, если и их самих сочтут достойными той или иной почести, (7) и вследствие этого они, скорее всего, откажутся следовать лучшему и станут подражать худшему. В итоге, при таком распределении почестей, и тот, кто ими награждает, не извлечет для себя никакой пользы, и получающие их станут негоднее. Так что то преимущество, которое кому-то представляется самой привлекательной чертой единовластия, для тебя может оказаться самой трудноразрешимой задачей.

13 (1) Обдумав эти и другие соображения, высказанные мною немного ранее, будь благоразумен, пока у тебя есть такая возможность, и передай в руки народа войска и провинции, государственные должности и казну. Если ты поступишь так немедленно и добровольно, то обретешь среди людей величайшую славу и надежнейшую безопасность; но если ты станешь дожидаться, пока тебя к этому тем или иным способом принудят, то очень скоро подвергнешься большой опасности и вместе с тем покроешь себя бесчестьем. (2) Доказательство тому – примеры Мария, Суллы, Метелла²³ и Помпея в начале его деятельности, которые, оказавшись во главе государства, отказались присвоить себе самочинную власть²⁴ и избежали тем самым смертельной опасности²⁵; а вот Цинна,

²² Схожая мысль звучит у Фукидида (I. 70. 7).

²³ Скорее всего, имеется в виду Квинт Цецилий Метелл Пий, консул 80 г. до н.э., а не Метелл Критский, консул 69 г. до н.э., как указывалось ранее большинством издателей, и не Метелл Нумидийский, консул 109 г. до н.э., как считал Смилда (Boissevain. Vol. IV. P. 111). Как известно, Метелл Пий в 71 г. до н.э. по возвращении из Испании добровольно распустил свою армию в Северной Италии, после чего отошел от дел. Возможно, Дион имеет в виду другой эпизод из биографии этого Метелла: в 87 г. до н.э. он с негодованием отверг предложение воинов, находившихся под командованием консула Октавия, возглавить вместо последнего войско для борьбы с Марием и Цинной (Plut. Mar. 42. 3). Этот же Метелл восхваляется в речи Тиберия на похоронах Августа за добровольный роспуск армии в 71 г. до н.э. (LVI. 39. 2).

²⁴ δυναστεῖσσι.

²⁵ Ср. с заявлением Мецената (LII. 17. 3) о том, что Марий и Сулла, проживи они дольше, погибли бы подобно Цезарю. Не все приводимые здесь Дионом примеры корректны. В частности, Марий умер не после удаления от дел, а в самом начале своего седьмого консульства. Но возможно, Дион имеет в виду отход Мария от политической активности после 100 г. до н.э. Помпей в 62 г. до н.э. по возвращении с Востока на пике своего влияния и популярности распустил войска и сложил власть. Дион хвалит его за этот шаг и в соответствующем месте своего труда (XXXVII. 20. 3–6).

Страбон²⁶, Марий младший, Серторий и впоследствии тот же Помпей, устремившись к самовластию, нашли бесславную гибель²⁷. (3) Непростое это дело сделать так, чтобы этот Город, который в течение стольких лет имел демократический образ правления и владычествует над столькими народами, согласился принять рабство. Ты ведь слышал, как Камилла римляне отправили в изгнание только за то, что он использовал в своем триумфе белых коней²⁸; (4) слышал и о том, как Сципиона отрешили от власти, обвинив его в противозаконном своекорыстии²⁹; помнишь ты и то, как ополчились они на твоего отца, заподозрив его в стремлении установить монархию. И это все при том, что никогда не бывало никого лучше этих мужей.

(5) Тем не менее я отнюдь не советую тебе просто отказаться от власти, но предлагаю осуществить сначала все возможные меры в интересах государства и с помощью указов и законов укрепить то, что следует, подобно тому как в свое время сделал это Сулла; и пусть даже некоторые из его установлений были впоследствии ниспровергнуты, но большая их часть, и более важная, все еще сохраняется³⁰. (6) И не говори, что и после этого найдутся люди, которые будут затевать смуты, чтобы мне не пришлось еще раз напоминать тебе, что они – [римляне] – отнюдь не склонны допустить установления над ними монархической власти. Если бы даже мы могли наперед предусмотреть все, что может случиться, то было бы в высшей степени глупо тех распри, которые иногда происходят при демократии, страшиться больше, нежели установления тирании, которая является естественным порождением монархии³¹. (7) Об ужасах же тиранического правления я и не пытался что-то сказать, потому что не хотел напрасно тратить слова на обличение того, что и так очевидно, но [имел целью] показать тебе, что монархия по самой своей природе устроена так, что даже добродетельные мужи...³²

14 (1) (...) не могут они откровенной речью с легкостью убедить тех, кто не равен им) и в делах своих они преуспевают из-за внутренних разногласий среди своих подданных. Так что если ты хоть сколько-нибудь заботишься об отечестве, ради которого столько воевал, за которое и жизнь свою охотно отдал бы, то преобразуй и обустрой

²⁶ Ср. XLIV. 28. 1.

²⁷ Луций Корнелий Цинна, признанный в традиции тираном (*Sall. Hist. Fr.* 52 Kritz = I. 64 Maurenbrecher; ср. *Plut. Caes.* 1. 1), был убит собственными взбунтовавшимися солдатами в 84 г. до н.э. Но пример Гнея Помпея Страбона (отца Помпея Великого) в этом ряду, однако, не совсем корректен: он умер во время эпидемии в 87 г. до н.э., правда, его тело потом протащили по улицам Рима (*Vell. Pat.* II. 21. 4; *Gran. Licin.* 22–23F). Еще менее подходят сюда примеры Мария младшего (сына Гая Мария), который покончил с собой в 82 г. до н.э. во время осады Пренесте сулланцами, и Квинта Сертория, который, хотя и был убит в 73/72 г. до н.э. в результате заговора своих командиров, мало подходит на роль тирана.

²⁸ Белые кони являлись атрибутом Юпитера. О вызывающем триумфе Камилла в 396 г. до н.э. см. *Liv.* V. 23. 5–7; *Plut. Camil.* 7. 1–2; *Zon.* VII. 21. 2–3.

²⁹ Публий Корнелий Сципион Африканский Старший в 187 г. до н.э. был привлечен к суду по обвинению в том, что после Сирийской войны с царем Антиохом он якобы не всю добычу сдал в казну. Отказавшись участвовать в процессе, он добровольно удалился из Рима в свое имение в Литерне. См. *Liv.* XXXVIII. 50. 5–53. 8. Ср. *Zon.* IX. 20. 12–13. Примечательно, что те же примеры, что и в этой главе, Дион вкладывает в уста Цицерона, произносящего речь на заседании сената после убийства Цезаря 17 марта 44 г. до н.э. (XLIV. 28. 1–2). В этой речи не упомянут только Метелл, но добавлены Карбон и Лепид.

³⁰ Мнение о сохранении большинства законов Суллы не соответствует действительности и звучит как риторическое преувеличение, и на него возражает в своей речи Меценат (см. 17. 4).

³¹ Понимание тирании как естественного результата порчи монархии представлено в концепциях циклической смены форм государственного устройства, разработавшихся Платоном, Аристотелем, Полибием, Цицероном.

³² Далее в рукописях утрачен один лист и следует лакуна примерно в 60 строк. Соответственно не сохранились ни заключительная часть речи Агриппы, ни начало речи Мецената вместе с введением к ней. В той части эпитомы Зонары (X. 32. 9–14 Dindorf), которая относится к данному месту, говорится следующее: «Октавиан понимал, что точка зрения Агриппы означает для него отказ от единоличной власти. Однако Меценат выступил с прямо противоположным предложением, заявив, что он [Октавиан] уже в течение долгого времени осуществляет монархическую власть и что он должен сделать одно из двух – либо сохранить существующее положение вещей, либо отказаться от него и погибнуть». Возможно, что фрагмент 110. 2 (= Boissevain. Vol. I. P. 358; Cary. Vol. II. P. 502–505), в котором монархия характеризуется как источник благ для подданных, происходит из начала речи Мецената (*Millar F. A Study of Cassius Dio. Oxf.*, 1964. P. 106).

его более разумно. (2) Возможность говорить и делать все, что угодно, становится источником всеобщего благополучия, если имеешь дело с людьми благоразумными, но, выпав на долю безрассудных, она приводит к несчастьям. Следовательно, дать волю таким людям – все равно что протянуть меч ребенку или сумасшедшему³³, но наделить ею людей мудрых – значит не только сохранить за ними остальные их преимущества, но и спасти самих этих людей, даже против их желания. (3) Вот почему я желаю, чтобы ты не обманулся, прельстившись красотой званий, но, внимательно обдумав положение вещей и все возможные последствия, положил конец дерзости толпы и предоставил управление государством себе и другим лучшим людям. Тогда в сенате заседали бы наиболее разумные, командовали бы войсками наиболее искусные в военном деле, а несли воинскую службу и получали за это жалованье самые крепкие и самые бедные. (4) Таким образом, каждый будет охотно исполнять то, что выпало на его долю, с готовностью оказывая помощь другим, и никто не будет испытывать унижения при сравнении своей участи с долей других, и все обретут истинную демократию и безопасную свободу. (5) Ибо пресловутая “свобода” толпы оборачивается самым тяжким рабством для наилучших людей и несет общую гибель и первой, и этим последним, в то время как та свобода, которая везде превыше всего ставит благоразумие и обеспечивает всем равенство в соответствии с достоинством, всех ею пользующихся делает одинаково благополучными.

15 (1) Не подумай, что я советую тебе стать тираном, поработив народ и сенат. Этого ни я не осмелился бы никогда сказать, ни ты сделать. Однако было бы прекрасно и полезно и для тебя, и для государства, чтобы ты сам совместно с лучшими мужами³⁴ издавал все необходимые законы и чтобы никто из народа не выдвигал против них возражений и не противодействовал их принятию³⁵; (2) чтобы войны велись в соответствии с вашими решениями, а все остальные немедленно исполняли приказания, чтобы вами осуществлялся выбор начальствующих лиц, определялись почести и наказания. И тогда все то, что показалось тебе правильным при обсуждении с равными по достоинству³⁶, тотчас станет законом; (3) нападения на врагов будут готовиться в тайне³⁷ и осуществляться своевременно; исполнители тех или иных поручений будут назначаться в зависимости от способностей, а не по жребию или по искательству должностей; и люди достойные будут получать почести, не возбуждая к себе зависти, а негодяи будут наказываться, не оказывая сопротивления. (4) Таким образом, дела будут вестись в наилучшем порядке, без вынесения их на народное собрание, без открытого обсуждения и без участия противоборствующих группировок³⁸, а стало быть, не подвергнутся они опасности из-за честолюбивого соперничества. Тогда бы и мы могли спокойно наслаждаться выпавшими на нашу долю благами, не ввязываясь ни в опасные войны, ни в нечестивые распри. (5) Такое положение дел присуще любой демократии, ибо там люди наиболее могущественные, стремясь к высшим постам и подкупая наиболее бедных, переворачивают все вверх дном. И так очень часто бывало у нас, и нет иного средства, [кроме указанного мною,] чтобы положить этому конец. (6) Доказательством тому служит, что мы уже очень долго враждуем и восстаем друг на друга. Причина этого – многочисленность людей и величина государства. Ведь его население, столь различное и по племени, и по своему природному складу, имеет разнообразные нравы и влечения, а само государство достигло таких размеров, что лишь с превеликим трудом поддается управлению³⁹.

³³ Выражение, вошедшее в поговорку. Ср. *Clem. Alex. Strom.* I. 14. 3.

³⁴ Это, несомненно, ключевой пункт в развиваемой Дионом концепции идеальной монархии: монарх должен править в сотрудничестве с сенаторской аристократией.

³⁵ Возможно, здесь содержится намек на деятельность плебейских трибунов.

³⁶ ὁμότιμοι. Этим словом Дион нередко называет сенаторов. См. *Schettino M.T. L'opposizione politica all'ascesa di Settimio Severo // L'opposizione nel mondo antico.* Milano, 2000. P. 273.

³⁷ οἱ πόλεμοι κρύφα... πόλεμῶνται. «Тайно», т.е. без вынесения вопроса об объявлении войны на народное собрание.

³⁸ παρὰ κελύεσσι. Это слово в значении «политические партии, фракции» использовано у Фукидида (VI. 13. 1). Ср. также *Dio.* XXXVIII. 18. 1.

³⁹ Мысль о том, что единовластие необходимо Риму в силу самих размеров и разнородности его державы, неоднократно высказывается Дионом. (XLIV. 2. 4; XLVII. 39. 4–5).

16 (1) О том, что я говорю истину, свидетельствуют события прошлого. До тех пор пока нас было немного и между нами и нашими соседями не было существенных различий, мы прекрасно справлялись с государственным управлением и покорили почти всю Италию. (2) Но после того как мы вышли за ее пределы, переправились на другие материка и многие острова, наполнили славой своего имени и могущества все море и всю землю, ничего великого больше не выпадало на нашу долю. Но сначала у себя дома, в пределах городских стен, мы стали восставать друг на друга, разделившись на [враждующие] сообщества, а затем принесли это зло и в легионы. (3) И поэтому город наш, как большое наполненное всевозможным сбродом грузовое судно, лишённое кормчего, уже в течение многих поколений носится по бушующему морю, качается и бросается из стороны в сторону, как будто не имеет балласта⁴⁰. (4) Не позволяй буре и дальше терзать его, ибо ты видишь, что оно переполнено водой, и не допусти, чтобы оно разбилось о скалы⁴¹, ведь судно повреждено и больше не может держаться на плаву. Но поскольку боги, смилостивившись над ним, назначили тебя распоряжаться и командовать им, не измени отечеству, чтобы оно, ныне благодаря тебе немного восправшее духом, и остальной свой век провело в безопасности.

17 (1) Теперь, как мне кажется, ты уже и сам удостоверился в том, что я даю верный совет, предлагая править народом монархически. А если это так, то с готовностью и радостью прими верховную власть над ним, а главное, не упускай ее. Ведь мы совещаемся не о том, чтобы приобрести нечто, но о том, как его не потерять и при этом самим не подвергнуться опасности. (2) Ибо кто пощадит тебя, если ты передашь государственные дела народу или же вручишь их какому-то другому мужу, зная, как много обиженных тобой и что все они, так сказать, со своей стороны, домогаются монархической власти и никто из них не пожелает ни избавить тебя от наказания за то, что ты сделал, ни оставить в живых в качестве противника? (3) Доказательством этому служит пример Помпея. Стоило ему только отказаться от единоличного владычества⁴², как он сразу же столкнулся с презрением и тайными кознями и в итоге, не сумев вновь взять власть в свои руки, лишился жизни. Также и твой отец Цезарь погиб из-за того, что совершил именно то, [что ты сейчас собираешься сделать]⁴³. И Мария, и Суллу, проживи они дольше, несомненно, ждала бы такая же участь, (4) хотя некоторые утверждают, что Сулла из страха погибнуть подобной смертью покончил с собой⁴⁴. Во всяком случае, очень многие из его законов начали отменяться еще при его жизни⁴⁵.

⁴⁰ ὀλκάς... χωρὶς κυβερνήτου... ἐν κλύδωνι πολλῷ φερόμενη... ἀνεργάπιτος οὖσα. Здесь Дион использует распространенный, восходящий еще к Алкею и Платону (Rep. VI. 488) образ государства как корабля, сбившегося с пути без монарха как кормчего и носимого бурей, как будто оно лишилось балласта (ср. Plato. Tht. 144a, ср. Alcaeus. 148 Page). Этот же образ использован и Горацием в 14-й оде I книги. По мнению некоторых комментаторов, тот факт, что Гораций написал эту оду около 29 г. до н.э. (к этому же году, напомним, и Дион относит дебаты Агриппы и Мецената), связан с тем, что именно тогда получили распространение слухи о том, что Октавиан намеревается сложить власть (Nisbet R.G.M., Hubbard M. A Commentary on Horace: Odes Book I. Oxf., 1970. P. 178–188. Цит. по Reinhold. From Republic to Principate. P. 186–187). Подробнее см. также Della Corte F. Nave senza nocchiero in gran tempesta // Paideia. 1990. 45. 1/6. P. 135–138.

⁴¹ ἔρμα περιρράγῃνα. Здесь Дион использует образ, заимствованный, по всей видимости, у Фукидида, ср. VII. 25. 7: περὶ ἔρμα περιβάλλῃ.

⁴² ἐκστὰς τῆς δυναστείας. Возможно, эта ремарка – ответ на мнение, высказанное в речи Агриппы (13. 2): если для Агриппы отказ Помпея от власти является признаком мудрости и спасительным шагом, то Меценату этот отказ представляется причиной его гибели.

⁴³ Эту фразу нужно понимать в том смысле, что Октавиан сейчас намеревается отвергнуть монархическую власть подобно тому, как Цезарь отказался от установления монархии в Риме, отвергнув предложенную ему диадему (ср. Dio. XLIV. 11. 3).

⁴⁴ Версия о самоубийстве Суллы больше нигде в источниках не упоминается.

⁴⁵ Многие законы Суллы были отменены в 70 г. до н.э., в консульство Помпея и Красса, а не при жизни диктатора, как утверждает Дион.

Поэтому тебе следует быть готовым к тому, что очень многие окажутся для тебя Лепидами⁴⁶ и не меньше будет Серториев, Брутов и Кассиев⁴⁷.

18 (1) Приняв во внимание эти обстоятельства и обдумав все остальное, не оставляя на произвол судьбы ни себя, ни отечество только ради того, чтобы кто-то не подумал, что ты сознательно стремишься к власти. (2) Во-первых, такое стремление, если бы кто-то его и заподозрил, является свойством человеческой природы, и связанный с ним риск благороден. Во-вторых, кто же не знает о той необходимости, которая вовлекла тебя в эти дела? Так что если кто-то и виноват в этом, то вину с полным на то основанием следовало бы возложить на убийц твоего отца. Потому что если бы они не убили его так несправедливо и так подло, то и ты не поднял бы против них оружия, не собирал бы войска, не заключал бы союз с Антонием и Лепидом. (3) Что ты поступил во всем правильно и справедливо, никто и не отрицает; а если и была допущена какая-либо ошибка, то мы уже не в силах исправить ее, не навлекая на себя опасности. Так что и ради нас самих, и ради государства покоримся судьбе, вручившей тебе единоличную власть, (4) и воздадим ей величайшую благодарность за то, что она не только освободила нас от бедствий междоусобной войны, но и возложила на тебя обустройство государства, чтобы ты, позаботившись о нем надлежащим образом, доказал всем людям, что в потрясениях и бедствиях виновны другие, а ты один полезен [отечеству].

(5) И, по-моему, не стоит тебе бояться величины державы⁴⁸, ибо, чем шире ее границы, тем больше возможности для ее оздоровления, да и сохранить что-то намного легче, чем приобрести. Ибо, чтобы подчинить себе чужое, нужно идти на труды и опасности, а для сохранения того, чем владеешь, достаточно умеренной заботы. (6) Если ты пожелаешь распорядиться властью так, как я посоветую, тогда не следует тебе опасаться и того, что, обладая такой властью, ты не сможешь жить достаточно безопасно и пользоваться всеми доступными для людей благами. И не сочти, что я отклоняюсь от предмета нашего разговора, если я подробнее поговорю об этом вопросе, (7) ибо я это сделаю не ради праздной болтовни, но чтобы ты хорошо уяснил, что умному человеку вполне по силам и нетрудно быть и хорошим правителем, и не подвергаться опасности, находясь у власти.

19 (1) Итак, я полагаю, что тебе прежде всего надлежит незамедлительно пересмотреть состав всего сенаторского сословия и выбрать [новых сенаторов], поскольку за время междоусобиц в сенат попали некоторые лица, недостойные звания сенаторов⁴⁹. Тех из них, кто обладает известной доблестью, следует оставить, остальных же вычеркни [из списка]. (2) Однако не исключай из числа сенаторов достойных людей только из-за их бедности, но дай им необходимые средства. А взамен остальных отбери самых родовитых, самых выдающихся и самых богатых людей не только из Италии, но и среди союзников и провинциалов⁵⁰. (3) Благодаря этому ты приобретешь себе многочисленных помощников и обезопасишь предводителей в провинциях; провинции же, не имея ни одного выдающегося представителя, не будут затевать мятежей, а их первенствующие мужи будут любить тебя, сделавшись соучастниками твоей власти.

⁴⁶ Марк Эмилий Лепид, бывший сулланец, консул 78 г. до н.э., поднявший мятеж, чтобы силой добиться для себя нового консульства, был разбит Помпеем и Катюлом, после чего бежал на Сардинию, рассчитывая соединиться с Серторием, но вскоре умер от болезни.

⁴⁷ Дион использует в данном случае расхожие примеры, хотя ему, несомненно, было известно о том, что Марк Эмилий Лепид, сын триумвира, в 30 г. до н.э. готовил заговор против Октавиана.

⁴⁸ Ответ на мысль, высказанную Агриппой (ЛП. 7. 1).

⁴⁹ Это предложение осуществить *lectio senatus*, по всей видимости, связано не только с теми мерами, которые осуществил Октавиан (см. ниже 42. 1–4), но и с современной Диону ситуацией, когда после гражданской войны 193–197 гг., с одной стороны, в сенат попало немало «недостойных» (с точки зрения Диона) лиц, а с другой – некоторые «достойные» сенаторы не соответствовали необходимому имущественному цензу.

⁵⁰ Это предложение отражает реальную практику периода правления Северов, но не соответствует времени Августа, когда в сенате было совсем немного людей, происходивших из-за пределов Италии.

(4) Те же самые меры следует предпринять и в отношении всадников. Включи во всадническое сословие тех, кто в своих краях занимает второе место по происхождению, доблести и богатству. Каждое [из сословий]полни таким количеством выдающихся людей, какое сочтешь наиболее подходящим, не ограничивая себя определенным их числом, ибо чем больше достойных людей будет тебя окружать, тем легче тебе будет своевременно справляться со всеми государственными делами, (5) и подданных⁵¹ будет проще убедить, что ты обращаешься с ними не как с рабами и не так, как если бы они были хуже нас, а разделяешь с ними не только все блага, выпавшие на нашу долю, но и власть, дабы они заботились о ней как о своей собственной. (6) Я не только не склонен отказываться от этих своих слов, признавая их неправоту, но и заявляю, что всем им необходимо предоставить также и права гражданства⁵², чтобы они, будучи с нами на равных и в этом отношении, стали бы нам верными союзниками, как бы живущими с нами в одном городе⁵³ и считая, что лишь он один является настоящим городом, а их собственные – это лишь деревни и села⁵⁴. Тем не менее, затрагивая данный вопрос, далее⁵⁵ мы рассмотрим, какие меры надлежит предпринять для того, чтобы не наделить подданных всеми привилегиями сразу.

20 (1) В состав всаднического сословия надлежит включать восемнадцатилетних, ибо в этом возрасте их телесная крепость и умственные способности проявляются наиболее отчетливо. В сенат же надлежит вводить двадцатипятилетних⁵⁶. Ибо не постыдно ли и не опрометчиво было бы доверять государственные дела тем, кто еще не достиг этого возраста, тогда как мы и домашние дела не доверяем никому из тех, кому не исполнилось еще двадцати пяти лет? (2) После исполнения должностей квестора, эдила и трибуна пусть они получают должность претора, если им уже исполнилось 30 лет⁵⁷. Ибо право пользоваться полномочиями этих должностей, равно как и кон-

⁵¹ Под «подданными» (τοὺς ἀρχομένους) здесь подразумеваются все свободные, не принадлежавшие к аристократической элите из сенаторов и всадников.

⁵² ὥστε καὶ τῆς πολιτείας λάσι σφισι μεταδοθῆναι... В понимании данного места, на наш взгляд, ближе к истине Е.А. Черноусов (Ук. соч. С. VI), в переводе которого идет речь о предоставлении гражданских прав, а не Э. Кэри, который переводит этот пассаж следующим образом: «the citizens ought every one actually to be given a share in the government» – «всем гражданам надлежит на деле предоставить долю в управлении государством» (Dio's Roman History. P. 123). В исследовательской литературе смысл этого пассажа обычно трактуется именно как дарование гражданства и связывается с эдиктом Каракаллы от 212 г. См. Meyer P. De Maecenas oratione a Dione ficta. Diss. B., 1891. P. 5; Millar. Op. cit. P. 104–105; Hammond M. The Significance of the Speech of Maecenas in Dio Cassius, Book LII // TAPhA. 1932. 63. P. 91–92.

⁵³ Формулируемый здесь Дионом взгляд на Рим как на единственный «город» империи, общее для всех ее подданных отечество отражает ситуацию, сложившуюся в Римской державе после принятия в 212 г. эдикта Каракаллы (constitutio Antoniniana), по которому все свободные лица приобрели права римского гражданства. Но в действительности теперь получила универсальное распространение практика двойного гражданства – римского и гражданства в городе, откуда был родом данный римский гражданин. В ином контексте (LXXVII. 9) Дион заявляет, что единственной целью этого эдикта Каракаллы было увеличение доходов казны. Этот взгляд Диона на Римскую державу как на единый полис можно сравнить с аналогичной и более подробно развиваемой мыслью Элия Аристида в «Панегирике Риму». См. Ael. Arist. Eἰς Ῥώμην. 61, 63, 64 (Or. 26 Keil). Подробнее о соответствующих взглядах греческих авторов см. Hose M. Erneuerung der Vergangenheit: Die Historiker in Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart, 1994. S. 385–399, 451; De Blois L. The World and City: Cassius Dio's View of the Roman Empire // L'ecumenismo politico nella coscienza dell'Occidente: Bergamo, 18–21 settembre 1996 / Ed. L. Aigner Forestini. Roma, 1998. P. 359–370; Ando C. Was Rome a polis? // Classical Antiquity. 1999. 18. 1. P. 5–34.

⁵⁴ Ср. Dio. XXXVIII. 36. 2; XLI. 56. 1; LXXIV. 11. 3; LXXVIII. 26. 1.

⁵⁵ Вероятно, дается отсылка к той части речи, где говорится о сокращении прав и расходов городских общин (LII. 30. 2–10).

⁵⁶ Этот возраст для доступа в сенат действительно был установлен Августом и сохранялся во времена Диона.

⁵⁷ Та последовательность должностей (cursus honorum), которую предлагает здесь Дион, соответствует практике, установившейся со времени Августа.

сульскими, ты должен, по моему убеждению, предоставлять только дома [в Риме]⁵⁸, как из почтения к обычаю отцов, так и для того, чтобы не казалось, будто ты полностью изменяешь государственный строй. (3) Всех этих людей выбирай сам и не позволяй более это делать ни плебсу, ни народу⁵⁹, ибо это приведет к волнениям, ни сенату, ибо сенаторы станут хлопотать [о личной выгоде]. Не оставляй за этими должностями их прежних полномочий, чтобы снова не повторилось то же самое, но, сохранив сопутствующий им почет, лиши их бывшего могущества таким образом, чтобы и прежней славы у них не отнять, и не потворствовать желающим устроить переворот. (4) Это будет в том случае, если ты поручишь им исключительно домашние дела и не предоставишь права командовать войсками ни во время прохождения должностей, ни тотчас после их сложения, но лишь по прошествии времени, которое ты сочтешь достаточным для каждой из них. Таким образом, никто них не станет затевать мятежей, командуя войсками и являясь одновременно носителями высших почетных званий; а побыв некоторое время частными людьми, они уймут свою гордыню. (5) Пусть они устраивают празднества для народа, какие кому положено, и вершат в Риме во время прохождения должности правосудие по всем делам, кроме убийств⁶⁰. Из остальных сенаторов и всадников учреди судебные коллегии, но общее руководство ими возложи на перечисленных выше должностных лиц. 21 (1) Что касается префекта города⁶¹, то его следует назначать из людей достойных и прошедших ранее все положенные должности и не только для того, чтобы замещать консулов в их отсутствие⁶², (2), но чтобы постоянно осуществлять управление столицей и выносить решение по делам, поступающим от всех упомянутых мной должностных лиц либо на обжалование, либо на повторное рассмотрение, включая, за отдельными исключениями, о которых я еще скажу, уголовные дела, предусматривающие смертную казнь и возбуждаемые в отношении не только жителей города, но также в отношении тех, кто живет за его пределами на расстоянии 750 стадиев⁶³.

(3) Из числа сенаторов⁶⁴ следует выбрать человека, который бы осуществлял контроль и наблюдение за происхождением, имущественным положением и нравами как сенаторов, так и всадников, в том числе их детей, жен и родственников. (4) Ему надле-

⁵⁸ ... μόνους οἴκοι... ἀποδεκνύναι σέ φημι χρῆναι. В переводе Э. Кэри: «...the only ones at home which you ought to fill by elections». Совершенно не понятно, откуда переводчик взял упоминание о выборах, тем более что в следующей фразе прямо говорится: император должен сам производить назначения на все должности. На наш взгляд, речь в данном пассаже идет об ограничении сферы компетенции магистратов только домашними делами в пределах города Рима. Ср. перевод данного места Е.А. Черноусовым (Ук. соч. С. VI).

⁵⁹ Имеются в виду, с одной стороны, *concilium plebis*, где голосовали только плебеи, а с другой – комиции, в которых участвовали все граждане.

⁶⁰ Юрисдикция судов (*quaestiones perpetuae*), в которых председательствовали высшие магистраты (консулы, преторы), со времени Марка Аврелия была ограничена и не распространялась на уголовные дела, которые находились в ведении префекта города.

⁶¹ *πολίταρχος* – *praefectus Urbi*. Эта квази-магистратская должность, которая предполагала предоставление империя и фаций и на которую бессрочно назначался сенатор в ранге консуляра, была институционализирована Августом (ср. *Suet. Aug. 37*). По мнению Й. Бляйкена (*Bleicken J. Der politische Standpunkt Dios gegenüber der Monarchie // Hermes. 1962. 90. 4. S. 448–449*), та юрисдикция, которой Меценат предлагает наделить этого префекта, в целом соответствует тому, что имело место во времена Диона. Ф. Миллар считает (Ор. cit. Р. 114–115), что Дион, предлагая, чтобы префекту города направлялись на апелляцию дела, рассмотренные магистратами и наместниками провинций, выступает за нововведение, имеющее целью уменьшить власть префекта претория.

⁶² Такова была роль городского префекта в эпоху Республики.

⁶³ 750 стадиев, согласно принятому в эпоху Империи соотношению, соответствовали 100 римским милям (ок. 150 км). По мнению Дж. Хамфриса, Дион обычно переводит мили в стадии в соотношении 1 миля = 7,5 стадиев там, где он использует латинские источники; но когда он пользуется греческими источниками либо основывается на собственном знании того или иного географического района, как в данном пассаже, то считает 1 милю равной 8 стадиям (*Humphreys J.W. A Note on στάδιον in Cassius Dio // АНВ. 1990. 4. Р. 17–22*).

⁶⁴ εκ τῶν ὁμοίων.

жит исправлять такое поведение, которое по закону не подлежит никакому наказанию⁶⁵, но при попустительстве может стать причиной многих больших бедствий, однако о более серьезных делах он должен докладывать тебе. Поручить эти обязанности следует скорее кому-либо из сенаторов, наиболее заслуженному после префекта города, чем кому-то из всадников. (5) А название этой должности правильно было бы дать исходя из твоих цензорских полномочий (в любом случае, руководить проведением ценза подобает тебе) и называть его младшим цензором⁶⁶. Обе эти должности⁶⁷ должны быть бессрочными, если только кто-то из тех, кому они поручены, не запятнает себя каким-нибудь дурным поступком или не заболеет, или не станет слишком дряхлым. (6) Никакой опасности в долговременности этих должностей нет, ибо один из них вовсе не располагает войсками, а второй, имея в своем распоряжении незначительное количество воинов, большую часть времени будет отправлять должность на твоих глазах. (7) При годичном же сроке службы они бы стали опасаться причинить кому-либо обиду и не отважились бы на решительные действия, предвидя наперед свое возвращение к частной жизни и занятие этой должности другими. Они должны получать известное жалование и как вознаграждение за хлопоты, и как почесть, связанную с должностью.

(8) Такой совет я хотел дать тебе относительно этих должностных лиц. Те же, кто отслужил в должности претора, могут получить в управление провинцию (я не думаю, что на них следует возлагать эти обязанности до прохождения претуры. Прежде они должны отслужить один или два срока помощниками тех пропреторов, о которых я упомянул выше⁶⁸). Затем им надлежит стать консулами, если они должным образом справились с обязанностями наместников, и только после этого пусть они получают более важные наместничества⁶⁹.

22 (1) Я советую тебе установить также следующий порядок. Всю Италию, то есть земли, расположенные на расстоянии 750 стадиев от Рима, и все остальные принадлежащие нам территории и на островах, и на материке, включая все города, раздели повсюду согласно племенам и народностям на области такого размера⁷⁰, чтобы каждой из них вполне мог управлять один человек, наделенный в качестве наместника доста-

⁶⁵ К таким преступлениям относилось, например, беспорядочный образ жизни, дурное воспитание детей, небрежное ведение хозяйства, неуважение к родителям, жестокое обращение с рабами и клиентами и т.п.

⁶⁶ ὑποτίτης. Дион предлагает здесь ввести совершенно новую сенаторскую должность, носитель которой выполнял бы цензорские функции императора, но под контролем последнего. Ее название образовано по аналогии с ὑποστράτηγος (legatus Augusti legionis) либо ὑπαρχος, как в 24. Дион называет помощников (заместителей) префекта претория. Такой должности никогда не было создано. Август для проведения lectio senatus в 4 г. н.э. создал комиссию из трех человек (tres viri legendi senatus); такая же комиссия была создана и для проверки состава всаднического сословия (см. Suet. Aug. 37). Введение должности младшего цензора означало бы сокращение полномочий такого ведомства императорской канцелярии, как a censibus, которое возглавлялось всадниками. Если при Августе после долгого перерыва была возобновлена должность цензоров, но не надолго (в 22 г. до н.э. ее в последний раз занимали Павел Эмилий Лепид и Л. Мунаций Планк – Dio. LIV. 2. 2), то впоследствии цензорская власть принадлежала исключительно принцепсу; единственное исключение – назначение в качестве коллеги императора по цензуре Авла Вителлия при Клавдии.

⁶⁷ Префекта города и младшего цензора.

⁶⁸ ὑποστράτηγεῖν ὡσαν ὡς ἂν εἶπω. Критикуя назначение наместниками провинций тех сенаторов, которые еще не прошли претуру, Дион считает необходимым до этого назначения пройти службу в качестве легата при наместниках пропреторского ранга. Рукописное ὡς ἂν εἶπω не дает ясного смысла. Мы принимаем возможное исправление в ὡς ἂν εἶπω – «о которых я упомянул выше», т.е. речь идет о наместниках пропреторского ранга.

⁶⁹ ἡγεμονίας. Этим термином Дион обычно обозначает высшую власть, соответствующую римскому понятию imperium. См. Vrind G. De Cassii Dionis vocabulis quae ad ius publicum pertinent. Nagae, 1923. P. 62–70.

⁷⁰ ὅσας γε καὶ αὐταρχεῖς εἰσὶν... В переводе данного места мы следуем чтению, предлагаемому Рейнолдом, который ὅσας γε исправляет на ὅσα γε (Reinhold. Op. cit. P. 193). В этом случае местоимение ὅσα относится не к городам, а к Италии и прочим территориям (τάλλα πάντα).

точной властью⁷¹. (2) Затем разместить в них войска и направь в каждую из этих областей по одному наместнику из числа бывших консулов со всей полнотой власти и двух бывших преторов. Один из них, только что сложивший должность в Риме, пусть ведает рассмотрением частных дел и заготовкой припасов; а другой, из числа тех, кто уже исполнял эти обязанности, пусть командует воинами и занимается общественными делами городов, за исключением суда по тем преступлениям, которые предполагают наказание в виде лишения гражданских прав или смертной казни. (3) Эти последние должны поступать на рассмотрение только наместника, уже исполнявшего должность консула, исключая те дела, которые касаются центурионов, находящихся на действительной службе⁷², или частных граждан, занимающих первенствующее положение в своих общинах⁷³. И тех, и других никому, кроме себя, не позволяй наказывать, чтобы из страха перед одним из наместников они не сподобились что-нибудь учинить и против тебя. (4) Что же касается моего предложения поручить второму из пропреторов командование солдатами, оно заключается в следующем. Если сравнительно небольшое количество воинов несет службу в составе вспомогательных частей⁷⁴ или одного легиона из римских граждан, никаких осложнений здесь не предвидится. Но если на зимние квартиры в одной и той же провинции располагаются два легиона, состоящие из граждан (а более двух я тебе не советовал бы вверять одному командующему), (5) то, несомненно, возникнет необходимость, чтобы ими командовали оба пропретора, каждый одним, и при этом им придется еще заниматься прочими делами: одному – делами городов, другому – частных граждан. Проконсул же наряду со [всеми] этими обязанностями...⁷⁵ пусть вершит суд по апелляционным делам, а также по всем тем делам, которые [про]преторы передают ему на дополнительное рассмотрение⁷⁶. (6) И не удивляйся тому, что я советую тебе ввести такое же деление и в Италии, ибо она велика и многолюдна и, следовательно, ею невозможно хорошо управлять, если этим занимаются только должностные лица в столице. Начальствующий всегда должен быть недалеко от населения, которым он управляет, и на должностных лиц следует возлагать лишь выполнимые обязанности.

23 (1) Все лица, облеченные властью за пределами Рима, должны получать жалование: высшестоящие – более высокое, низшие – в меньшем размере, средние – в среднем. Ибо в чужих краях они не могут жить на собственные средства, но и не должны пускаться в неограниченные и непредсказуемые расходы, как это происходит теперь. (2) На своем посту им следует находиться не менее трех лет, если только кто-то из них

⁷¹ Здесь Дионом предлагается еще одно радикальное нововведение – создание единообразного административного деления всей Империи, включая провинции и саму Италию, с ликвидацией различия между сенатскими и императорскими провинциями. Такого рода реформа была осуществлена только при Диоклетиане. Новшеством является и предложение разделить военную и гражданскую власть. Такое разделение впервые официально признается при Александре Севере (см. *Bleicken*. Op. cit. S. 452). См. также: *Gabba E.* Cassio Dione e l'Italia agli inizi del III secolo d.C. // *Biblioteca di Athenaeum* 25. Como, 1994. P. 149–153.

⁷² ἐκατονάρχων τὸν ἐν τοῖς καταλόγοις ὄντων. Это выражение соответствует латинскому *in numeris esse*, что буквально означает «состоять в списках [воинской части]».

⁷³ Это предложение Диона отражает существование двойной системы наказаний для разных групп населения – «благородных» (*honestiores*) и «низких» (*humiliores*), разделение на которые юридически оформляется во II в. н.э.

⁷⁴ ἐν ξεινικοῖς τεύχεσιν. Рейнолд (Op. cit. P. 193). вполне обоснованно понимает под этим выражением вспомогательные войска из перегинов, размещенные небольшими гарнизонами в провинциях. Это были алы и когорты численностью в 500 или 1000 воинов. Их отличие от частей, формируемых из римских граждан, в первую очередь легионов, сохранилось и после эдикта Каракаллы, который ликвидировал формальные различия в правовом статусе *cives* и *peregrini* (ср. *Dio*. LXXIII. 14. 3).

⁷⁵ Лакуна в тексте.

⁷⁶ Рукописи в данном месте дают чтение ὑπὸ τῶν στρατηγῶν αὐτοῦ. Издателями принята эмendaция Райске: ἀπὸ τῶν στρατηγῶν αὐτῶ. Рейнолд считает ее недостаточной, поскольку по смыслу и общему контексту вместо *στρατηγῶν* требуется поставить *ἐστρατηγηκότων*, т.е. речь идет о наместниках пропреторского ранга.

в чем-либо не провинится, и не более пяти⁷⁷. Дело в том, что, с одной стороны, при одностороннем или краткосрочном отпращивании должности можно только изучить то, что нужно делать, и приходится уходить в отставку прежде, чем что-либо из приобретенных знаний удастся применить на деле; с другой же стороны, более продолжительные, многолетние сроки делают многих дерзкими и толкают на мятежи. (3) Поэтому, по моему убеждению, наиболее важные наместничества не следует одно за другим поручать одному и тому же человеку. Вот почему не имеет значения одной или несколькими провинциями без перерыва наместник будет править дольше, чем следует. Начальствующие становятся лучше, если на некоторое время отходят от дел, возвращаются домой и живут частными людьми.

Вот каким образом, по моему мнению, сенаторам надлежит нести свою службу. 24 (1) Из всадников же двое самых лучших должны быть поставлены во главе твоей личной охраны. Ибо верить этот пост одному человеку рискованно, а более чем двум – хлопотно. (2) Итак, пусть этих начальников будет двое⁷⁸, чтобы, если один из них захворает, ты не остался без человека, отвечающего за твою безопасность. Этих людей следует отбирать из числа тех, кто имеет богатый военный опыт и исполнял многие другие должности. (3) Пусть они командуют как преторианцами, так и всеми остальными войсками, расположенными в Италии⁷⁹, обладая властью казнить подчиненных, совершивших какие-либо преступления, за исключением центурионов и тех, кто находится в подчинении должностных лиц сенаторского ранга. (4) Эти люди должны быть подсудны своим непосредственным начальникам из числа сенаторов, которые, имея право наказывать и награждать, могли бы безоговорочно полагаться на своих подчиненных. Остальными же расположенными в Италии войсками, имея в своем распоряжении помощников⁸⁰, пусть командуют упомянутые префекты, и, кроме того, пусть они же руководят еще и вольноотпущенниками, как находящимися у тебя на службе, так и другими, имеющими определенное значение. (5) Такой круг обязанностей будет для них вполне подходящим и достаточным⁸¹. Ибо если на них возложить больше дел, чем они смогут выполнить на должном уровне, то у них не останется времени на необходимое или же они вовсе окажутся не в состоянии справляться со всеми своими обязанностями. (6) Как и префект города и младший цензор, эти префекты должны занимать свои должности бессрочно. Также из всадников, причем лучших после упомянутых префектов, следует назначать начальника ночной стражи⁸² и

⁷⁷ Со времени Августа наместники проконсульского ранга занимали должность в течение года (ср. *Dio*. LIII. 13. 2); императорские легаты не имели фиксированного срока наместничества, но во времена Диона они обычно занимали свою должность на протяжении примерно двух лет, очень редко больше трех.

⁷⁸ При Коммоде и Александре Севере назначались по три преторианских префекта (SHA. Comm. 6. 12–13; *Zos*. I. 11. 2–3; ср. *Dio*. LXXX. 2. 2). При Септимии Севере некоторое время (с 197 по 205 г., с перерывом в 199 г.) был только один префект, Г. Фульвий Плавтиан (*Dio*. LXXV. 14. 1–2).

⁷⁹ Во времена Диона префекты претория командовали, кроме самой преторианской гвардии (*cohortes praetoriae*), также конными телохранителями императора (*equites singulares*), вспомогательными частями, размещенными в Риме (*castra peregrinorum*) и преторианским флотом. Но ни Равеннский, ни Мизенский флоты, ни II Парфянский легион, дислоцированный в Альбоне, ни когорты городской стражи (*vigiles*) не находились под их командованием.

⁸⁰ ὑπάρχους. При императоре Каракалле была создана должность заместителей префекта претория – *vices agentes praefectorum praetorii*.

⁸¹ τροσότηκοντα καὶ αὐτάρκῃ. Таким образом, Дион предлагает ограничить власть преторианских префектов, вернув эту должность к ее первоначальной функции – командованию императорскими телохранителями (*praetorium*). По мнению Миллара (Op. cit. P. 115–116), эти предложения Диона связаны с его реакцией на деятельность таких префектов, как Папиниан и Опеллий Макрин. Т. Барнс, относящий составление речи Мецената к более позднему времени, видит в предложении Диона назначать только двух префектов реакцию на тройную префектуру Ульпиана, Хреста и Флавиана в 222 г. (*Barnes T.D. The Composition of Cassius Dio's Roman History* // *Phoenix*. 1984. 38. 3. P. 250).

⁸² Praefectus vigilum.

префекта для заведования снабжением хлебом и общим надзором за рынком⁸³, которые должны занимать свои должности в течение определенного срока, как заведено у должностных лиц, назначаемых из числа сенаторов. 25 (1) Управление же казной – я имею в виду как общегосударственную казну, так и императорскую⁸⁴ – не только в самом Риме, но и в остальной Италии и за ее пределами должно находиться всецело в руках всадников; (2) и они, как и все остальные представители этого сословия, занятые на какой-либо службе, должны получать жалованье в зависимости от важности и объема своих обязанностей, одни больше, другие меньше. (3) Такая мера необходима, во-первых, потому, что всадникам, поскольку они беднее сенаторов, невозможно за счет своих собственных средств справляться с расходами, тем более если они выполняют служебные обязанности вне Рима; а во-вторых, это нужно потому, что и для тебя самого неприятно и небезопасно, чтобы одни и те же лица распоряжались и войсками, и денежными средствами. (4) Сверх того, привлекать ко всему, что относится к управлению державой, большее число людей важно для того, чтобы многие и для себя извлекали пользу, и вместе с тем приобретали опыт в делах. Таким образом, и твои подданные станут еще более расположены к тебе, пожиная разнообразные плоды общих благ, и в твоём распоряжении всегда будет неисчислимое множество отличнейших помощников для решения всех необходимых задач. (5) Достаточно, чтобы в Риме и вне его пределов в каждой провинции во главе каждого из подразделений налогового ведомства стояло по одному лицу из числа всадников, в распоряжении которого было бы столько подчиненных, как всадников, так и твоих вольноотпущенников, сколько потребуется. Ибо необходимо первым предоставить некоторое количество и такого рода помощников⁸⁵, чтобы служба тебе рассматривалась как награда за честность и ты не имел недостатка в тех, от кого ты бы мог узнать правду, даже против их воли, если будет совершен какой-либо проступок.

(6) Если кто-то из всадников, проходя службу на разных должностях, проявит себя в такой степени, что окажется достойным стать сенатором, его возраст не должен препятствовать зачислению его в сенат. В сенаторское сословие следует включать даже тех, кто служил всего лишь центурионами в легионах, исключая тех людей, которые начинали службу рядовыми. (7) Ибо постыдно и позорно вводить в сенат тех, кто таскал на себе палисадины и корзины с углем, но наиболее отличившимся из тех, кто сразу начал службу в звании центуриона, пусть ничто не препятствует войти в состав сената.

(Продолжение следует)

⁸³ Praefectus annonae.

⁸⁴ χρήματα τοῦ δήμου – это aerarium publicum, а χρήματα τῆς ἀρχῆς – императорский fiscus.

⁸⁵ Т.е. императорских вольноотпущенников.